

10.06.04

Выходящие в издательстве «Вагриус» два тома дневников Георгия Эфрона ПРОЛИВАЮТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ И ГИБЕЛИ ЕГО МАТЕРИ

ПУБЛИКАЦИЯ

Штрафной батальон

Цветаева М.И.

ГЕОРГИЙ ЭФРОН

Ольга МАРТЫНЕНКО

Сколько бы ни писали о Марине Цветаевой, всякая новая публикация вызывает жгучий интерес. Тем более, если речь идет о свидетельстве сына, который после ареста ее дочери Ариадны и мужа Сергея Эфрона остался единственным из семьи, кто неотступно находился при матери с 1939-го по то злосчастное 31 августа 1941-го, когда он отлучился из дома.

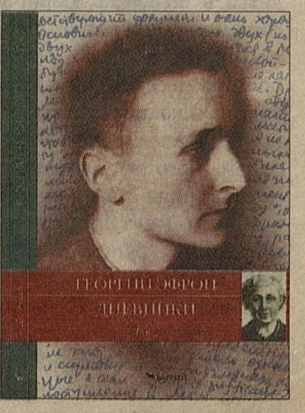
15-летний Георгий Сергеевич Эфрон (домашнее прозвище — Мур) с некоторым даже раздражением настаивает на своем полном имени и отчестве, желая выглядеть в глазах знакомых Марины не просто ее сыном, но самостоятельной личностью. Жить этой личности выпало 19 лет: он погиб в первом же бою летом 44-го. Дневники Мура были обнаружены в неопубликованных материалах архива Цветаевой в РГАЛИ. Как сообщают составители двухтомника Елена Коркина и Вероника Лосская, вести

свои записи он начал в 14 лет, сразу после приезда с матерью в СССР в июне 1939 года, куда двумя годами ранее вернулись Ариадна и Сергей Эфрон. Первый болшевицкий дневник Мура (в подмосковном Большеве) утрачен вместе с бумагами Ариадны при ее аресте. «Дневник № 2» начинается 4 марта 1940 года в Голицыне, где мать и сын жили некоторое время в доме отдыха Литфонда, а кончатся записи 25 августа 1943-го. Как полагают составители, не все дневники

сохранились, но и оставшиеся насчитывают около 800 рукописных страниц: юноша скрупулезно фиксировал события своей жизни по-русски и отчасти по-французски, свободно переходя с одного языка на другой. Читать эти дневники — дело нелегкое. Не только потому, что знаешь трагический конец всего написанного, но и в силу монотонности подробного изложения этой короткой жизни. Однако главное впечатление — подлинность соприкосновения с неразгаданной тайной его матери, что отличает канонический текст от апокрифа. Хотя в этом смысле читатель испытывает некоторое разочарование. От родных Цветаевой мы ждем вести о ней, а ее сын занят собой. Но ему 15 лет, а тревожиться всерьез о родителях (кляня себя потом за это всю жизнь) мы начинаем совсем в другом возрасте. Составлять по записям Мура портрет его специфического окружения (вчерашних эмигрантов, завербованных НКВД и живущих под страхом ареста) — занятие безрадостное: раздоры и взаимные подозрения. Но нашего героя на первых порах жизни в СССР отличал наивный прагматизм — желание вписаться в новую для него действительность (в годы войны слетевший, как шелуха). В школе он успевает не по всем предметам (но очень хочет успевать!), при том, что уровень его образованности и круг интересов несравненно выше учебной программы: он весьма начитан в русской и французской литературе, любит и знает музыку, живопись, пробует силы в графике. В этом смысле он достойный сын своей матери, хотя дневники Мура не оставляют сомнений, что сын он не идеальный. Свое право на эгоизм подросток запальчиво отстаивает ощущением жизненного распада: «Процесс распада всех без исключения моральных ценностей начался у меня понастоящему еще в детстве,

когда я увидел семью в разладе, в ругани, без объединения». Но кто возьмет на себя смелость судить о чужих семейных делах? Тем более о делах семьи, на которую рок по невиданному усердию насылал столько бед, что хватило бы на целый свод древнегреческих трагедий. Как ни мало занимало сына творчество матери, он с видимым удовольствием описывает, например (13 мая 1940 года), чтение Пастернаком его перевода «Гамлета»: «После чтения перевода (какое чтение прошло с огромным успехом)... Борис (Леонидо-

нище, шлет (безответную, разумеется) телеграмму Сталину: «Помогите мне, я в отчаянном положении». Писательница Цветаева». Составители дневников пишут, что Мур ни разу не упоминает об основанном его дедом музее на Волконке. Но одно упоминание все же есть, когда Георгий записывает, цитируя слова Марины: «Мать в подавленном состоянии: она москвичка, ее отец воздвигнул Музей изящных искусств, она поэт и переводчица, и для нее нет места в Москве». В августе 41-го мать с сыном несколько дней по-

/// Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет... Не похороните живой! Хорошенько проверьте //

вич Пастернак) проводил нас до дома тетки (где мы ночуем). (Тетка — Е.С. Эфрон, сестра отца Мура. — «МН».) Мать говорит, что Пастернак — лучший наш поэт, а Пастернак говорит, что лучший наш поэт — это мать (Цветаева).

Марина и Мур ночевали где придется, у них не было ни денег, ни жилья. В доме отдыха Литфонда им выдавали один обед на двоих. Марина Ивановна, к тому времени уже признанный поэт, берется за любые переводы; измученная невозможностью найти приста-

ДОСЛОВНО

О матери

31/VIII-41 — 5/IX-41
За эти пять дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31 августа мать покончила с собой — повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося ее «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным. Содержание письма мне: «Мурлыга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тя-

жело-больна, это уже не я. Любию тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь, — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик». Письмо к Асееву: «Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья, — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только гублю. У меня в сумке 450 р. И если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он

очень хрупкого здоровья. Любите его как сына — *заслуживает*. А меня — простите. *Не вынесла*. МЦ. Не оставляйте его *никогда*. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете — увезите с собой. Не бросайте!» Письмо к эвакуированным: «Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом — сложить и довести. В Чистополь надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. *Со мной он пропадет*. Адр. Асеева на конверте. Не похороните

живой! *Хорошенько проверьте*». Вечером пришел милиционер и доктор, забрали эти письма и отвезли тело. На следующий день я пошел в милицию (к вечеру) и с большим трудом забрал письма, кроме одного (к эвакуированным), с которого мне дали копию. Милиция не хотела мне отдавать письма, кроме тех копий. «Причина самоубийства должна оставаться у нас». Но я все-таки настоял на своем. В тот же день был в больнице, взял свидетельство о смерти, разрешение на похороны (в загсе). М.И. была в полном здравии к моменту самоубийства. Через день мать похоронили. Долго ждали

лошадей, гроб. Похоронена на средства горсовета на кладбище.

Об отце

8/VIII-40
Сегодня проходил около Наркоминдела, около парикмахерской. Там, на этом самом месте, у этой самой перекладки, ждали мы с отцом в августе — сентябре 1939 года человека из НКВД. Человек приходил. Папа с ним начинал ходить вверх и вниз по Кузнецкому мосту, опираясь на маленькую палку... Потом они расходились, а мы с папой уезжали обратно в Большеве. Когда я сегодня проходил около

этого места, мне сделалось больно и горько. Все-таки я надеюсь от всего сердца на праведность НКВД: они не осудят такого человека, как отец!.. Отец почти седой, с палкой, в сером пиджаке. Благородное, умное и кроткое лицо. Именно благородное. Нервное. Я его жалел и жалею. Неладно у него было с сердцем — нередко припадки... Бедный отец! Но надеюсь, его оправдают. Алю тоже жалко, но отца больше жалко. Как он самоотверженно работал во Франции!.. Все должно хорошо кончиться, и все кончилось хорошо. Так нужно. Я в этом убежден до мозга костей и шлю к чорту пессимистов каркающих. **МН**